

УДК 330.83

И. Благих, д-р экон. наук, проф., Ж. Громова, ассист.
(С.-Петербург. гос. ун-т, Российская Федерация)**И. В. ВЕРНАДСКИЙ И РУССКО-НЕМЕЦКАЯ ШКОЛА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ**

Статья посвящена исследованию взаимосвязки отечественной историко-экономической науки и немецкой исторической школы в политической экономии. На примере трудов И.В. Вернадского показано взаимодействие отечественной историко-экономической мысли и работ В. Рошера, К. Книса, К. Бюхера и других. Его работы впервые представили мировую экономическую мысль в системном виде, что способствовало развитию исследований и преподаванию истории экономической мысли в России.

Ключевые слова: история экономических доктрин, мейнстрим, экономические идеи либерализма, историческая школа в политической экономии.

Статья посвящена исследованию взаимосвязи отечественной историко-экономической науки и немецкой исторической школы в политической экономии. На примере трудов И.В. Вернадского показано взаимодействие отечественной историко-экономической мысли и работ В. Рошера, К. Книса, К. Бюхера и других. Его работы впервые представили мировую экономическую мысль в системном виде, что способствовало развитию исследований и преподаванию истории экономической мысли в России.

Ключевые слова: история экономических доктрин, мейнстрим, экономические идеи либерализма, историческая школа в политической экономии.

The article is dedicated to research of the interrelation between the native historical and economic science and the German Historical School of political economy. Vernadsky's works are used as an exemplary basis for display of interrelation between the native historical and economic thought and the works of V. Roscher, K. Knies, K. Bücher. His works were the first to deliver the world economic thought in a systematized way, which helped promote research and education in the field of history of economic thought in Russia.

Keywords: history of economic doctrines, mainstream, economic ideas of liberalism, the historical school of political economy.

В истории отечественной политико-экономической науки середины XIX столетия имя Ивана Васильевича Вернадского по праву занимает одну из самых заметных позиций. Его творческая деятельность пришлась на эпоху радикальных экономических реформ, получивших в истории название Великой крестьянской реформы или реформы отмены крепостного права. Но, на деле, это было время крутой ломки не только сложившегося веками механизма хозяйствования, но и политических, и общественных реформ, которое вплоть до наших дней не получило еще однозначной исторической оценки.

С точки зрения советской исторической историографии И.В. Вернадский "был одним из первых либеральных профессоров, безусловных противников крепостного права, сторонников буржуазных свобод в экономике и политике, знатоком и поклонником прогрессивных идей Запада... По вопросам экономической политики Вернадскому были близки идеи английского либерализма, фритредеров так называемой манчестерской школы" [1, с. 237].

Эта цитата из известного исследования А.В. Аникина "Путь исканий...", где само название работы как бы подразумевало, что отечественная экономическая наука проделала определенный путь исканий, прежде чем обрести верное и правильное учение, относительно которого фиксировались "отклонения" и "уклонения" от научной истины. Если же быть более точным, то в качестве идеальной модели научной истины выступало даже не учение, а практика построения социализма в СССР. Нет необходимости кого бы то ни было убеждать в наше время, что указанная методологическая посылка в оценке историка-экономиста была не истинной, а ложной. Теоретические модели, присутствующие в тех или иных экономических учениях, которые были впервые в системном виде описаны Иваном Васильевичем Вернадским, конечно же должны были иметь практическое значение, иначе они представляли бы собой безжизненную схоластику. Однако это не снимает вопроса так называемых вечных истин, которыми должен руководствоваться ученый, и которые связаны с практикой лишь морально-нравственной стороной. Вечные истины потому и являются вечными, что они никогда не реализуются в повседневной практике, но напоминают человеку, ученому, политическому деятелю о высоком предназначении человека.

С этой точки зрения И.В. Вернадский, несомненно, был либералом – человеком, придерживающимся принципов гуманизма, толерантности и равноправия. Однако общеизвестно, что в экономических теориях либерализма указанные принципы отсутствуют. Они опираются, не на вечные истины, а на учения философов и материалистов XVIII столетия, на законы рынка, где с помощью "невидимой руки" частные (личные) пороки приводят, якобы к всеобщей пользе. С моральной точки зрения указанное концептуальное положение является достаточно спорным: хорошее не может возникнуть вследствие безразличных действий, не породив при этом проблем. Вернадский не мог быть безусловным сторонником такого либерализма.

Вернадский был, прежде всего, историком экономической науки. Его труд – "Очерк истории политической экономии", изданный в 1858 году, построен в соответствии с методологическими принципами, существующими в науке середины XIX столетия, которые являются общенаучными принципами, ранжированными по уровню, или сложности проводимого исследования: описание, классификация, объяснение. Уровень объяснения – это, как известно, уровень создания собственной теории, которая должна была бы прийти на смену господствующей. Вряд ли можно поставить в вину Вернадскому, что он, как историк науки, не превзошел по теоретическому уровню Адама Смита или Карла Маркса. Вместе с тем, как историко-экономисту, который произвел описание, систематизацию и классификацию экономических доктрин от времен Античности и до середины XIX в., противопоставить И.В. Вернадскому какого-либо современного с ним отечественного ученого, не представляется возможным.

История экономических доктрин прошла сложный путь, породив при этом своего антипода – историю народного хозяйства. Экономические доктрины, как новая сфера интеллектуальной деятельности, сразу же стали объектом научной критики, базирующейся на исторических примерах ведения хозяйства различными странами. В XVIII столетии появились историко-экономические обзоры, включающие в себя, в том числе, историю истолкования законов торговой и финансовой деятельности, политической арифметики, историю развития мануфактур и принципов торговли колониальными товарами. В наиболее системном виде они представлены в известной энциклопедии Дидро и Д'Аламбера

[2, с. 139, 160, 165, 221] . В этот период интерес к истории экономической науки проявлялся в основном в исторических экскурсах, иллюстрирующих верное или же неверное истолкование экономических закономерностей [3]. Именно в таком качестве использовал Адам Смит достижения историко-экономической науки своего времени, когда в четвертой книге известного "Исследования о природе и причинах богатства народов" пытался, по его словам, "возможно полнее и точнее объяснить различные теории и главные результаты, к которым они приводили в разные века и у различных народов" [4, с. 78]. Смиуту принадлежит в этой связи приоритет введения в научный оборот термина "меркантилизм" (от итальянского слова "мерканте" – купец), который, несмотря на пренебрежение автора "Богатства..." к итальянской экономической науке, получил в последующем широкое распространение в истории экономической мысли для обозначения многовекового периода (XV – начало XVIII вв.) зарождения и становления экономических доктрин Нового времени.

Эпоха революционных, а затем – наполеоновских войн, потрясших континентальную Европу, Англию, Россию и Северо-Американские штаты, связанные с ними экономические блокады и санкции, наконец, непомерная контрибуция, возложенная союзными державами на Францию, – все это значительным образом активизировало интерес европейских интеллектуалов к политической истории и прогностической функции экономической науки. В 1816 – 1823 гг. Париж стал средоточием мировой политико-экономической мысли. На французском языке за этот, достаточно короткий промежуток времени были опубликованы наиболее значимые труды всех известных экономистов – представителей великих европейских держав: английских, российских, прусских, австрийских и, разумеется, французских.

Приведем не полный список работ, а труды лишь тех экономистов, которые впоследствии исследовал К. Маркс, в "Учениях о прибавочной стоимости", составивших четвертый том "Капитала": Ш. Ганиль "Теория политической экономии" (1816); Ж.-Б. Сэй "Трактат по политической экономии", 3-е изд. (1817); Дж. Бартон "Замечания об обстоятельствах, влияющих на положение рабочих классов обществ" (1817); Т. Мальтус "Исследования природы и возрастания ренты, а также регулирующих ее принципов" (1817); Д. Бьюкенен "Замечания о предметах, трактующих в "Исследовании о природе и причинах богатства народов" д-ра Смита" (1817); Т.А.Г. Шмальц "Политическая экономия" (1819); Сисмонд де Сисмонди "О новых началах политической экономии" (1819); Д. Рикардо "О началах политической экономии и налогового обложения" (1819); Ж.-Б. Сэй "Письма г-ну Мальтусу по различным вопросам политической экономии, особенно о причинах всеобщего застоя в торговле" (1820); Н.Ф. Канар "Начала политической экономии" 2-е изд. (1820); Т. Мальтус "Принципы политической экономии с точки зрения их практического применения" (1821); Ш. Ганиль "О системах политической экономии, о сравнительной ценности их доктрин и о той из них, которая представляется наиболее благоприятной для роста богатства" (1821); А. Шторх "Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. С пояснительными и критическими замечаниями Ж.-Б. Сэя" (1823); Дюстат де Трасси "Элементы идеологии, ч. IV. Трактат по политической экономии" (1823); А. Шторх "Соображения о природе национального дохода" (1823). Подобное количество переводных трактатов экономистов, принадлежащих разным странам, но изданных в течение столь короткого срока в Париже, невозможно объяснить исключительным интересом парижан к экономической науке. Если же обратиться к решениям Парижского

трактата (1814 г.) и Венского конгресса (1815 г.) о мерах экономического характера, принятых по рекомендации политико-статистической Комиссии указанных конгрессов по отношению к Франции, обязанной возместить в течение пяти лет многомиллионные долги, контрибуционные выплаты и претензии частных лиц, пострадавших от действий французских солдат и интендантов, то столь необычная активность экономистов, парижских книгоиздателей и переводчиков, может найти свое объяснение.

Появление новых национально-государственных образований в результате национально-освободительных войн и, прежде всего, Италии, Греции, Германского союза, способствовало поиску национальной самоидентификации европейских народов. В ходе процессов, определяемых с одной стороны общей историей европейцев, а с другой – их политическим противостоянием, история политической экономии вобрала в себя не только тенденции к общечеловеческому синтезу, но и к национальному противостоянию.

В этой связи наибольшее распространение на европейском континенте получила с середины XIX в. немецкая историческая школа в политической экономии в лице своих представителей: В. Рошера, К. Кнуса, К. Бюхера и других. Она ввела в научный оборот понятие "народное хозяйство", которое, в соответствии с философией истории, возникшей в результате синтеза классической немецкой философии и естественной истории человечества, имело первичный, исходный характер, по отношению к истории экономических доктрин. История экономической науки есть не что иное, как интеллектуальное осмысление хозяйственной практики. Экономические теории, по мысли немецких историков-экономистов, имеют производный, вторичный характер от истории народного хозяйства (развития экономического быта разных народов). Представители немецкой исторической школы первыми обратили внимание научной общественности на крайнюю абстрактность построений классической политической экономии, которая пыталась дать рекомендации всему человечеству, хотя преследовала на самом деле интересы манчестерских мануфактуристов, бирмингемских заводчиков и лондонского Сити.

В сфере историко-экономических исследований немецкая историческая школа в лице Ф. Листа, В. Рошера, К. Кнуса, Б. Гильдебранда отрицала тезис, выдвинутый Адамом Смитом, что развитие экономической мысли происходит под влиянием "божественного провидения", снисходящего на того или иного мыслителя. Наука, полагали они, призвана к интеллектуальному осмыслению бытия. Историческая школа шла в русле представлений о предмете политической экономии как об исследовании причин богатства наций (народов), в то время, как либеральная школа в 20-х годах XIX столетия, существенным образом пересмотрела свои исходные позиции, хотя формально продолжала вести свою историю от Адама Смита. В письме Мальтусу от 9 октября 1820 г. Давид Рикардо писал: "Вы полагаете, что политическая экономия является исследованием о природе и причинах богатства; я же думаю, что ее следовало бы назвать исследованием законов, определяющих распределение продукта между классами, участвующими в его образовании. В отношении общего количества нельзя установить сравнительно правильный закон, как в отношении пропорций. С каждым днем я все больше убеждаюсь, что *только последний представляет собой практический предмет науки*" [5, с. 481].

Таким образом, Давид Рикардо не только пересмотрел предмет, цели и задачи экономической науки "от Адама Смита", но и ее историко-практическую составляющую, что не могло не отразиться на ретроспективном описании экономических доктрин. "Естественный закон пропорций", который обосновал Рикардо в своем

трактате, устраивал добрую и старую Англию – "владычицу морей, повелительницу Нового света и Азиатского континента" действующую по имперскому принципу "разделяй и властвуй", но по отношению к кипящей революционными страстями континентальной Европе и балансирующим на грани гражданской войны Северо-Американским штатам, вызвал совершенно противоположную, как эмоциональную, так и смысло-историческую реакцию.

Дж. М. Кейнс, творчество которого, столетие спустя, также пришлось на период всеевропейской войны, революций и расчеты победителей и побежденных, отмечал: "Рикардо покорила Англию столь же полно, как святая инквизиция покорила Испанию. Не только его теория была принята Сити, государственными деятелями и академическим миром, но даже самый спор прекратился. Альтернативная точка зрения [изложенная Адамом Смитом] совершенно исчезла, и ее просто перестали обсуждать... Властям импонировало, что это учение объясняло многие проявления социальной несправедливости и очевидной жестокости как неизбежные издержки, а попытки изменить такое положение выставляло как действия, которые могут в целом принести больше зла, чем пользы" [5, с. 503-504]. Было бы неверно интерпретировать теорию распределения Рикардо как общечеловеческую теорию экономической и социальной гармонии: одни классы и сословия получают ренту, другие процент, а третьи – заработную плату. Рикардо обосновал, что норма прибыли и, соответственно процент на вложенный в аграрный и промышленно-торговый сектор экономики капитал, имеют противоположную динамику. "Система г-на Рикардо, – отмечал в этой связи экономист – представитель франкоязычного Юга Северо-Американских штатов Г.Ч. Кэри, – есть система раздора... Она имеет тенденцию породить вражду между классами и общественными партиями... Его книга – настоящее руководство для демагога, который стремиться к власти при посредстве конфискации земли, войны и грабежа" [6, с. 227]. Давида Рикардо причисляли во Франции к "отцам коммунизма" [6, с. 227], что имеет под собой несомненные основания, если принять в расчет теории социалистов-рикардианцев, французских социалистов-утопистов и "краеугольный камень" теории классовой борьбы К. Маркса, выведенные из несправедливости "естественных пропорций" распределения прибыли среди различных сословий общества.

В этой связи следует отметить, что господствующее направление либеральной экономической мысли (так называемый "мейнстрим") и в дальнейшем будет неоднократно менять определение предмета политической экономии, направление целей и задач, стоящих перед теоретиками экономической мысли. Указанные эволюции не способствовали выработке строго определенных методологических подходов к задачам историко-экономических исследований. Введение в ретроспективный анализ сословного подхода вело к дроблению историко-экономической науки по классовому, субъективному признаку, что в гораздо большей степени порождало сомнения в ее научности, чем дифференциация исследовательских направлений по признакам природно-климатическим и национально-территориальными, действительно обладающими объективными, т.е. практически не меняющимися региональными различиями.

Таким образом, немецкая историческая школа, получившая широкое распространение в пореформенной России, не является каким то "незаконнорожденным" направлением в политической экономии. Подобным образом она выглядит лишь в либеральном "мейнстриме". С точки зрения предмета и метода эта школа является логическим продолжением классической по-

литической экономии, основы которой были заложены Адамом Смитом. Она не отрицала полностью абстрактных положений экономической науки, полагая, что экономические абстракции принадлежат сфере фундаментальной теории, от которой не следует требовать, чтобы она полностью согласовывалась с фактами хозяйственной жизни различных стран. Однако при этом утверждала, что бессмысленно лечить специфические недуги национальной экономики по рецептам абстрактной теории. Эти принципы должны получить определенные видоизменения в зависимости от степени развития промышленного развития той или иной страны. В частности, касаясь принципов фритредерства (особенно пропагандируемых школой манчестерских мануфактуристов), историки-экономисты указывали, что страны, находящиеся на начальной стадии промышленного развития, нуждаются в "покровительстве", в защите от промышленно развитых стран, осуществляющих торгово-промышленную и, соответственно, кредитную экспансию. Формы покровительства, под прикрытием которых будет развита национальная промышленность, могут не иметь фритредерского характера, господство которого требует установить по всему миру либеральная политическая экономия.

В условиях формирования на европейском континенте независимых национальных государств историко-экономическое направление в политической экономии разработало методы непрерывного наблюдения за динамикой развития народного хозяйства, которые ранее носили дискретный характер, а также методы количественного анализа хозяйственной практики. Формирование профессиональных "регистраторов" экономических событий, которые постоянно, а не эпизодически вели статистический учет по отраслям народного хозяйства и направлениям экономической деятельности, давало основания национальным правительствам принимать те или иные решения, касающиеся регулирования хозяйственной деятельности, опираясь на практику, а не некие абстрактные идеи. Немецкие ученые Зюсмилх, Рюмелин, Энгель, Швабе, Майр, Вагнер и, конечно же, Адольф Кетле – член Бельгийской и член-корреспондент Петербургской академии наук, заложили основы бюджетной статистики, на основе которой выросли современная финансовая наука и новое теоретическое направление – экономическая политика. Как отмечала историк экономической статистики член-корреспондент РАН И.И. Елисеева, немецкая экономико-статистическая наука была самой влиятельной среди экономистов Европы, поскольку, в отличие от других школ, занимавшихся не системными вопросами питания, уголовных и половых преступлений, демографии и т.д., она "занималась поисками закономерностей в структурах бюджетов национальных государств" [7, с. 47].

В отличие от английской и французской экономической историографии немецкая историческая школа отрицала тезис, что "движителями" истории человечества являются герои и просвещенные личности. Следовательно, история экономических доктрин, состоящая из идей отдельных личностей, не могла, по мысли историков-экономистов, оказывать определяющего влияния на процесс развития хозяйственного строя. В противовес либеральной (по классификации немецкой исторической школы – "космополитичной") политической экономии, требующей свободы индивида ("свободы разума", частно-экономической) и политической свободы общественных меньшинств), противостоят "герои и народа", рассматривалась ею диалектически. Индивидуальная свобода необходима, полагали сторонники исторической школы, если герои действительно творят историю. Если же историю творят не герои, а

народ, то свобода части общества (героев, гениев и т.д.), приводит к несвободе целого, т.е. народа.

В период господства экономических идей либерализма, на основе которых проводилась в России Великая крестьянская реформа, легко впасть в соблазн отнесения И.В. Вернадского к либеральным экономистам. О предпочтениях историка-экономиста, который не стремился к комментаторству различного вида учений, а давал им бесстрастное описание, следует судить по персоналиям, которым он посвятил свои исследования. По нашему мнению, предпочтения Вернадского лежали не на стороне классических теорий либерализма, а в сфере отечественной экономической науки и тесно связанной с ней немецкой исторической школой в политической экономии. Достаточно сказать, что перевод текста и составление научного аппарата к фундаментальным работам Андрея Карловича Шторха – академика Императорской Петербургской академии наук под названиями "Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов" и "Соображения о природе национального дохода", заняли 20 лет жизни Ивана Васильевича. Следует ли после этого утверждать, что Вернадский был приверженцем иных учений и "пропагандистом в России идей Запада"?

Кроме трудов академика Шторха, Вернадский сделал доступными для широкого читателя научные труды профессора Императорского Петербургского университета Людвиг Валериановича Тенгоборского. В переводе значительного по объему научного трактата под названием "Производительные силы России", Вернадскому помогала его жена – Мария Николаевна, поэтому данный, не менее титанический труд, осуществлялся за более короткое время.

Для современного читателя следует, наверное, пояснить: почему работы отечественных ученых приходилось переводить на русский язык? Такова была научная традиция того времени – ученые трактаты писались либо на латыни, либо на французском, либо на немецком языке (если указанный труд являлся диссертацией и защищался на ученом совете какого-либо немецкого университета). Собственные диссертационные советы появились в России в ходе реформы университетского образования, проведенного в годы реформ Николая I, графом С.С. Уваровым. Вплоть до настоящего времени многие научные труды, изданные в XVIII – начале XIX столетия российскими "диссертантами" так и не переведены на русский язык. В частности, можно назвать работы графа Е.Ф. Канкрин, его диссертацию о военных финансах России в период войны с Наполеоном, монографическое исследование о военном хозяйстве и его влиянии на налоги и государственные займы, и работы других авторов, все еще недоступные широкому читателю по причине языкового барьера. В этом отношении заслуга И.В. Вернадского до сих пор не оценена по достоинству.

Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание, что И. В. Вернадским в "Очерке истории политической экономии" представлены как персоналии, так и краткое изложение работ экономистов, труды которых не были известны не только в России, но и в странах Западной Европы. Речь, прежде всего, идет о работе немецкого экономиста Германа Госсена (1810-1858) "Развитие, законов общественного обмена и вытекающих отсюда правил общественной торговли" (1854), выпуск в свет которой был совершенно незамечен ни в Германии, ни в Австро-Венгрии, ни в Пруссии. Лишь в 1870-х годах, после выхода в свет работ К. Менгера, Л. Вальраса, У. Дживонса о Госсене заговорили, как о родоначальнике нового направления, развивающего теорию потребительского выбора с применением математического аппарата [8, с. 58].

Следует сказать, что И.В. Вернадский совершенно верно, очень логично и правильно определил место Госсена в своей классификации, отнеся его не к последователям Смита или немецкой исторической школы, а к "новым рикардianцам", поскольку Госсен, как известно, продолжал направление политической экономии, исследующей процессы распределения среди различных слоев потребителей (покупателей).

История подтвердила также довольно скромное место, занимаемое в экономическом "мейнстриме" социалистами-рикардианцами и французскими социалистами. Чье влияние на экономическую науку неоправданно раздувалось в советский период. И.В. Вернадский, и это опять-таки, надо поставить ему в заслугу, не обошел вниманием указанное направление, хотя само отнесение Сен-Симона, Фурье, Оуэна,

Нам представляется, что обращение И.В. Вернадского к трудам отечественных экономистов – видных ученых, труды которых были известны на Западе и по которым там судили об экономике Российской империи, не было случайным. И.В. Вернадский поразительно чувствовал фальшь "нравственных философов" – создателей теорий капитализма, как некоего "естественного", чуть-чуть не божественного права ("божественного провидения" по – Адаму Смиту), так и новых "нравственных философов" – создателей теории "вечного передела" или "политической экономии трудящихся". При обращении к известной полемике И.В. Вернадского с Н.Г. Чернышевским, о "пользе" и "вреде" переделов собственности [1, с. 261], можно достоверно убедиться, что И.В. Вернадский, который посвятил основную часть своей научной жизни трудам отечественных экономистов, вполне владел методами научного предвидения, развиваемые русско-немецкой исторической школой [9, с. 92], утверждая, что переделы собственности, под какими бы лозунгами они не осуществлялись, ведут к обнищанию России.

Можно было бы и далее продолжать примеры подобного рода. Но уже сказанного достаточно, чтобы убедиться, что добросовестное историко-экономическое исследование во-первых, проходит испытание временем и, во-вторых, способствует укреплению прогностической функции экономической науки в целом. Без своей историко-экономической составляющей экономическая наука способна к вырождению в бесплодную схоластику. Если опять-таки обратиться к истории политической экономии в СССР, то нельзя не заметить, что ее крайне уязвимой стороной была не логическая, а именно историческая составляющая. Очень сложно было верить в XX веке науке, возникшей лишь в конце XIX – начале XX столетия. Она, как оказалось, не обладает исторической легитимностью. Рекомендации экономической науки, возникшей в отрыве от исторических корней, имеют слишком абстрактный характер. Об этом надо помнить, обращаясь к трудам Ивана Васильевича Вернадского...

1. Аникин А.В. Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. – М., 1990. – 415 с. 2. История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – Л.: Наука, 1978. – 312 с. 3. Историко-экономические работы, состоящие вначале из библиографических описаний и хронологических обзоров развития самих экономических доктрин, появились позже. Они не имели столь массивного характера: в 1829 г. Ж.-Б. Сэй посвятил обзор экономических доктрин 6-й том своего "Полного курса политической экономии"; в 1837 г. Ж.-А. Бланки издал "Историю политической экономии в Европе"; в 1845 г. Мак-Куллох составил обзор "Политико-экономической литературы", а в 1850 – 1868 г. Франческо Феррара в Италии и И. В. Вернадский в России (1858 г.) выступили с "Очерками истории политической экономии". 4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // В кн.: Классика экономической теории: Сочинения. – М., 2000. – 895 с. 5. Классика экономической мысли: Сочинения. – М., 2000. – 895 с. 6. Фридлянд Ц. История Западной Европы. 1789-1914 т. 1. – Харьков, 1930. 7. Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики. – М., 1990. – 295 с. 8. Чернышевский Н.Г. Избранные экономические произведения. – М., 1948. Т.1. – 756 с. 9. Благих И.А. Петербурго-ленинградская историко-экономическая школа // Экономист, 2009, № 6. – С. 81-93.